

900

104

В. Г. Чертковъ.

Дежурство въ военныхъ госпиталяхъ

СТРАНИЦА ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Издание „ЕДИНЕНІЯ“

подъ редакціей В. Чертова.

№ 16.

Не въ силѣ Богъ,
а въ правдѣ.

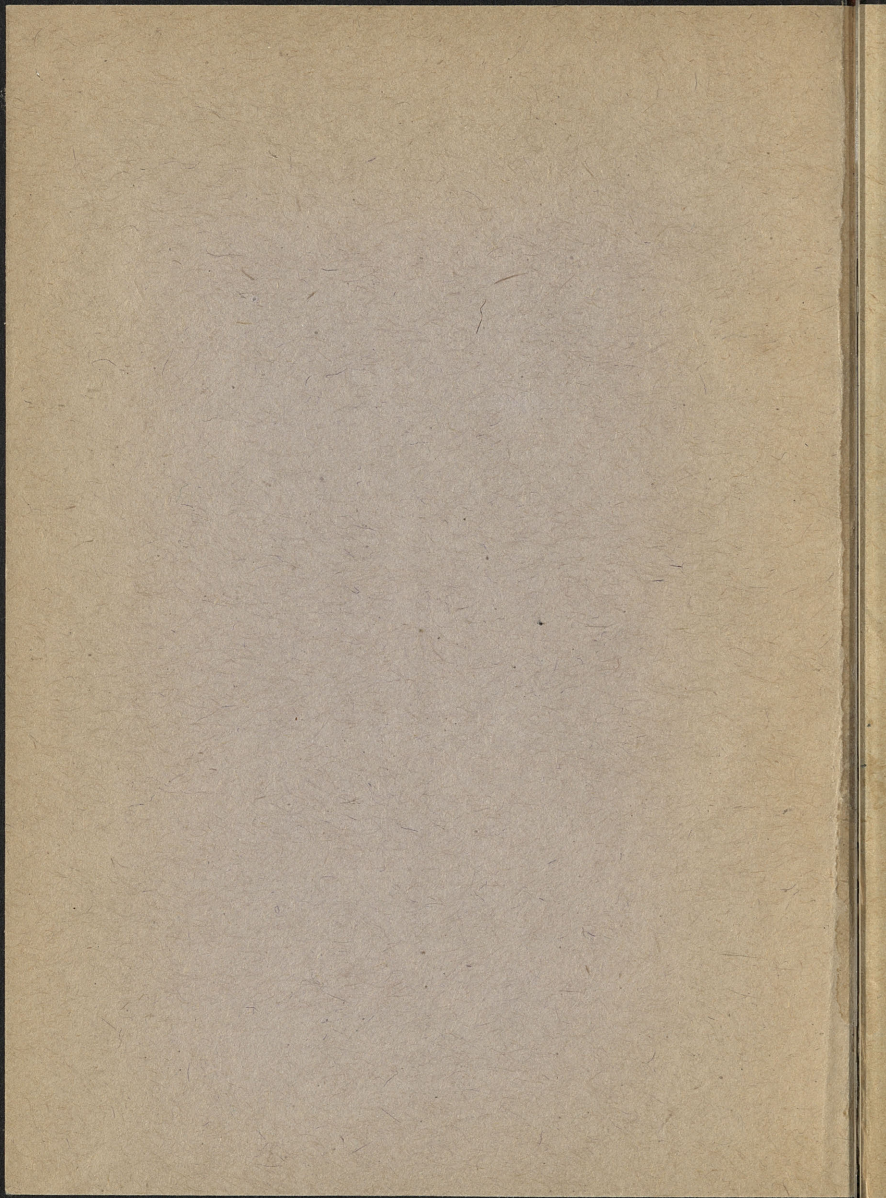
Цена 20 коп.

Издательство „Солдаты-Граждане“.
1917 г.

635(2)

6309

900
М 104

В. Г. Чертковъ.

30 клм

ДЕЖУРСТВО ВЪ ВОЕННЫХЪ ГОСПИТАЛЯХЪ.

Страница изъ воспоминаній.

Типографія Издательск. Ком. Московск. Совѣта Солд. Деп.
1917.

2022080360

9437-65

Дежурство въ военныхъ госпиталяхъ*).

Это было въ серединѣ семидесятыхъ годовъ. Двадцатидвухлѣтнимъ гвардейскимъ офицеромъ я тогда прожигалъ свою жизнь „во всѣ нелегкія“. Всѣмъ тремъ классическимъ порокамъ—вину, картамъ и женщинамъ—я предавался безъ удержу, живя какъ въ чаду, съ рѣдкими промежутками душевнаго отрезвленія. Въ эти періоды внутренняго просвѣтленія я чувствовалъ отвращеніе къ своему безпутному поведенію и мучительно тяготился своимъ положеніемъ. Ища изъ него выхода, я напряженно задавался основными вопросами жизни и религіи.

Однимъ изъ обстоятельствъ, имѣвшихъ на меня нравственно-благотворное вліяніе, были повторявшіяся отъ времени до времени мои дежурства въ военныхъ госпиталяхъ.

Не знаю, продолжается ли еще до сихъ поръ эта поразительная нелѣпость; но въ мое время отвѣтственная задача ближайшаго наблюденія надъ слушающими и надъ текущимъ хозяйственнымъ обиходомъ въ громадныхъ петербургскихъ военныхъ госпиталяхъ съ ихъ сотнями и тысячами больныхъ

*) Статья эта первоначально появилась въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, ноябрь, 1909 г.

и сложнѣйшей организаціей предоставлялась самымъ легкомысленнымъ юнцамъ, которыхъ только возможно было отыскать въ Петербургѣ, а именно—младшимъ офицерамъ гвардейскихъ полковъ. Ежедневно смѣнявшимся молодымъ гвардейскимъ кутиламъ, не умѣвшимъ даже справляться съ своими собственными деньгами, поручалась задача, которая была подъ силу развѣ только самому опытному въ хозяйственномъ отношеніи администратору, и то не съ налету, какъ навѣщали мы госпиталю, а послѣ продолжительнаго и основательнаго ознакомленія со всей подноготной этого сложнаго дѣла. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣятельность пріѣзжавшаго въ госпиталь на однѣ сутки дежурнаго офицера сводилась къ исполненію ряда чисто внѣшнихъ формальностей. Онъ съ слѣпымъ довѣріемъ подписывалъ вороха официальныхъ бумагъ, свидѣтельствовавшихъ объ израсходованномъ, будто бы, въ теченіе сутокъ количествѣ мыла, мяса, топлива и другихъ хозяйственныхъ матеріаловъ, при чемъ онъ не имѣлъ физической возможности не только провѣрять точность выставленныхъ цифръ, но даже прочитывать эти бумаги. При личномъ же осмотрѣ многочисленныхъ больничныхъ палатъ и бараконъ для провѣрки удовлетворительности ихъ содержанія и ухода за больными, стѣсненный своей неопытностью, офицеръ, внезапно попадавшій въ эту обстановку изъ совершенно иного міра всюду встрѣчалъ вытягивавшихся передъ нимъ, во фронтъ фельдшеровъ и служителей, которымъ ничего не стоило бы втереть ему очки, если бы онъ вздумалъ провѣрять больничные порядки и раскрывать злоупотребленія.

Но объ этомъ офицеры и не помышляли. Они думали только о томъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ надоедливыхъ формальностей, и съ нетерпѣніемъ считали оставшіеся часы до окончанія

скучнаго дежурства въ госпиталѣ, съ которымъ не чувствовали ничего общаго.

Трудно понять, кому нужна была эта комедія фиктивного контроля, которую насъ, молодыхъ офицеровъ, заставляли играть въ военныхъ госпиталяхъ. Но по отношенію къ себѣ лично я навсегда останусь благодарнымъ судьбѣ за доставленные мнѣ этими дежурствами случаи заглянуть, хоть однимъ глазкомъ, на изнанку жизни, на ту болѣе серьезную, трагическую сторону окружающей дѣйствительности, которая бываетъ обыкновенно скрыта отъ молодыхъ людей въ моемъ тогдашнемъ положеніи.

Одна изъ обязанностей дежурнаго по госпиталю офицера состояла въ томъ, чтобы опрашивать ежедневно выпускаемыхъ выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ, не имѣютъ ли они заявить какія-либо претензіи за время ихъ пребыванія въ госпиталѣ.

Выстраивались эти нижніе чины часовъ въ 12 дня, въ особомъ просторномъ помѣщеніи, подходя къ которому, въ сопровожденіи низшаго дежурнаго персонала, офицеръ еще изъ дали слышалъ обычные выкрики: „стройся“, „смирно“, „глаза на лѣво“ и т. п. Вошедши же въ двери, онъ видѣлъ передъ собой шеренги вытянувшихся въ струнку, съ выпученными на него дикими глазами, людей въ солдатскихъ шинеляхъ, всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ свидѣтельствующихъ о томъ, что надъ ними успѣшно совершонъ тотъ гипнотическій процессъ одурѣнія, который называется „военной дисциплиной“.

Поздоровавшись съ ними полагающимся въ такихъ случаяхъ напускнымъ начальническимъ голосомъ и получивъ въ отвѣтъ дружно бессмысленный выкрикъ заученнаго солдатскаго привѣтствія

офицеръ на свой вопросъ, имѣетъ ли кто заявить жалобу, не получалъ, разумѣется, никакого отвѣта и удалялся изъ залы съ сознаніемъ отбытія одной изъ послѣднихъ скучныхъ формальностей передъ приближавшейся смѣной съ дежурства.

Какъ-то разъ, не удовлетворившись этой официальной процедурой, я вздумалъ обратиться къ собравшимъ передо мной солдатамъ совсѣмъ запросто. При обращеніи съ нижними чинами мнѣ всегда претило напускать на себя требуемый службой начальнической тонъ. Товарищи мои, офицеры, иногда подтрунивали надо мной, изображая, какъ я, вмѣсто напр., команды: „налѣво кругомъ!“, будто бы грустнымъ голосомъ обращался къ обучаемой мною командѣ со словами: „пожалуйста, господа, повернитесь въ другую сторону“. На этотъ разъ просто, по-человѣчески выраженная мною просьба о томъ, чтобы они, не стѣсняясь, откровенно сообщили мнѣ, если имѣютъ на что пожаловаться, —напримѣръ, если кому не возвращены сполна его деньги или имущество,—достигла своей цѣли. Одинъ, поближе ко мнѣ стоявшій солдатъ, словно встрепенувшись послѣ сна, сталъ робко объяснять мнѣ, что ему дѣйствительно не были возвращены его деньги,—кажется, три съ полтиной,—бывшія при немъ, когда онъ поступилъ въ госпиталь. Я тотчасъ же записалъ въ своей карманной книжечкѣ его фамилію и размѣръ суммы, обѣщавъ навести справку. Тогда и другіе, одинъ за другимъ, стали заявлять, что и имъ также не возвращены ихъ деньги—кому нѣсколько рублей, а кому и нѣсколько десятковъ. Набралось человѣкъ около пятнадцати. Записавши ихъ всѣхъ, я хотѣлъ было тотчасъ же повидаться съ госпитальнымъ казначеемъ, но мнѣ доложили, что его уже нѣтъ, и что мнѣ возможно будетъ видѣться съ нимъ только на слѣдующій день. Я попросилъ заявившихъ пре-

тензіи вернуться въ госпиталь въ условленное время, обѣщавъ имъ самому тутъ быть и лично передать имъ деньги.

На слѣдующее утро, оторвавшись отъ своего бездѣлья, я, уже не по наряду, а по собственной волѣ, поѣхалъ въ надобвшій госпиталь, внутренно любясь своимъ добродѣтельнымъ поступкомъ.

Въ громадной канцеляріи я засталъ чиновника-казначея за его столомъ. Очевидно поджидавшій меня, онъ приподнялся и, пожавъ мнѣ руку, протянулъ мнѣ, съ самой привѣтливой развязностью, серебряный портсигаръ съ папиросами. Я сухо отказался. Онъ попытался было заговорить о погодѣ, но, замѣтивъ мое нерасположеніе съ нимъ любезничать, прямо спросилъ:—„Итакъ, сколько, собственно, вамъ нужно денегъ для передачи выписавшимся вчера нижнимъ чинамъ?“—Я назвалъ общую сумму, насколько теперь помнится—около ста семидесяти рублей.—Ни слова не возражая, онъ выдвинулъ ящикъ своего стола. Тамъ лежало, какъ я замѣтилъ, множество толстыхъ пачекъ сто-рублевыхъ и другихъ бумажекъ. Отсчитавъ привычными пальцами сто семьдесятъ рублей, онъ молча передалъ ихъ мнѣ съ отмѣнной учтивостью. Видно было, что онъ, не моргнувъ глазомъ, далъ бы мнѣ и пятьсотъ рублей, если бъ я назвалъ такую сумму.

Пораженный хладнокровнымъ самообладаніемъ чиновника, я принялъ деньги и, пожавши протянутую имъ руку, пошелъ вручить ждавшимъ въ другомъ помѣщеніи солдатамъ ихъ деньги. Оказалось—передъ ихъ выпиской изъ больницы госпитальные служители увѣрили ихъ, что деньги ихъ задержаны для покрытія расходовъ по ихъ содержанию и лѣченію.

Трудно представить себѣ, на какую громадную

сумму въ одномъ этомъ госпиталѣ начальство обирало призрѣваемыхъ имъ больныхъ низшихъ своихъ военно-служащихъ, если въ одинъ день у нихъ было украдено сто семдесятъ рублей, не считая всего того, что при такихъ порядкахъ несомнѣнно выгадывалось администраціей на всемъ количествѣ ежедневно потребляемыхъ въ такомъ учрежденіи хозяйственныхъ матеріаловъ.

Мчась домой на своемъ рысакѣ, я возмущался нахальствомъ уличеннаго въ воровствѣ казначея и досадовалъ на себя за то, что я, человѣкъ безукоризненной честности и благородства, какимъ я себя въ ту минуту представлялъ, пожалъ руку такому явному мошеннику.

Дежурные по госпиталю офицеръ и военный врачъ занимали одну общую дежурную комнату. Хотя и ведя въ то время крайне легкомысленную жизнь, я все же всегда цѣнилъ общеніе съ людьми болѣе развитыми и серьезными, чѣмъ я. Таковыми, разумѣется, являлись для меня мои товарищи по дежурству—врачи.

Русскіе правительственные служащіе, какъ извѣстно, вообще любятъ въ интимной бесѣдѣ отводить душу, осуждая то самое правительство, отъ котораго кормятся и волю котораго безпрекословно исполняютъ. Черта эта, какъ я замѣтилъ, особенно развита у военныхъ врачей—быть-можетъ потому, что, посвятивъ себя борьбѣ со смертію и болѣзнію, имъ внутренне неловко быть причисленными къ военному сословію, занятому какъ разъ обратной дѣятельностью.

Въ долгіе часы своего вынужденнаго пребыванія въ госпиталяхъ я любилъ коротать время въ бесѣдахъ съ дѣлившимъ со мною дежурство врачомъ. И разсуждали мы всегда на общественныя темы

въ либеральномъ духѣ. Оживленности нашихъ разговоровъ содѣйствовало еще и то, что въ эти дни слуга мой привозилъ мнѣ изъ дому, вмѣстѣ съ чистымъ постельнымъ бѣльемъ и вкуснымъ обѣдомъ, также и бутылку-другую отличнаго вина. Нѣкоторые изъ врачей охотно дѣлили со мной это угощеніе, и тогда выводы, до которыхъ мы договаривались, становились иногда весьма радикальными.

Однажды вечеромъ—это было около 12-ти часовъ ночи—мы съ дежурнымъ врачомъ какъ-то особенно душевно разговорились о злободневныхъ, въ то время, общественныхъ вопросахъ, съ увлеченіемъ конкурируя другъ передъ другомъ въ нашихъ ратованіяхъ за неприкосновенность человѣческой личности, законность, справедливость, за большую свободу и т. п. Мы сокрушались о томъ, какъ мало гражданскаго мужества со стороны общества, подразумѣвая, конечно, что если бы всѣ были такіе же благородные люди, какъ мы, то давно уже настало бы для Россіи лучшее время.

Вдругъ мы услышали приближавшіеся по коридору многочисленные шаги, бряцаніе шпоръ и лязгъ сабель. Удивленные такимъ необычнымъ ночнымъ посѣщеніемъ, мы оба замолчали и обернулись къ двери. Въ нее вошла кучка людей. Впереди всѣхъ—жандармскій офицеръ, который, быстро шагая черезъ длинную темную комнату, подошелъ къ нашему, освѣщенному лампочкой съ абажуромъ, столу. Вошедшій за нимъ господинъ среднихъ лѣтъ, въ чиновничьемъ пальто, съ взволнованно-страдальческимъ выраженіемъ лица, сталъ какъ-то растерянно и быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ около насъ. Сопровождавшій его конвой изъ нѣсколькихъ жандармскихъ нижнихъ чиновъ остановился въ темнотѣ около дверей.

Офицеръ, торопливо поздоровавшись съ нами,

отвелъ врача немного въ сторону и сталъ что-то шопотомъ ему объяснять. Я видѣлъ только, какъ лицо врача сразу измѣнилось: оно поблѣднѣло и приняло не то сзабоченное, не то испуганное выраженіе. Врачъ, видимо сконфуженный, подошелъ ко мнѣ и также вполголоса сообщилъ мнѣ, что это привели „секретнаго“ больного для заключенія въ арестантское отдѣленіе госпиталя, и что жандармскій офицеръ требуетъ, чтобы мы оба, какъ дежурные по госпиталю, расписались въ его книжкѣ въ томъ, что приняли отъ него сего числа душевно-больного арестанта.

Въ это время приведенный чиновникъ подошелъ къ намъ и, прижимая руки къ груди, умоляющимъ голосомъ сказалъ: „Могу васъ увѣрить, господа, что я совсѣмъ здоровъ, совершенно здоровъ. Это меня хотять устранить, погубить“...

Но поспѣшавшій къ намъ со своей книжкой офицеръ не далъ ему договорить.

Почувявъ во всемъ этомъ что-то неладное, я сталъ возражать врачу, что у насъ вѣдь никакихъ данныхъ нѣтъ, чтобы признать этого человѣка сумасшедшимъ, и рѣшительно заявилъ, что подписываться не стану. Отойдя отъ жандармскаго офицера, врачъ соглашался со мной въ принципѣ, но говорилъ, что съ своей стороны не рѣшается противиться, такъ какъ это грозило бы ему слишкомъ тяжкими послѣдствіями по службѣ; и мнѣ онъ не совѣтовалъ рисковать моей карьерой.

Кончилось тѣмъ, что врачъ расписался въ книжкѣ подъ всѣмъ тѣмъ, что отъ него требовали, а я съ негодованіемъ отказался. Взявъ свою книжку и сухо замѣтивъ мнѣ: „смотрите какъ бы вамъ за это не пришлось поплатиться“, жандармскій офицеръ вышелъ, уводя съ собою продолжавшаго съ отчаяніемъ протестовать чиновника, сопровождаемаго конвоемъ.

Загадочная сцена эта, происшедшая въ полу-мракѣ унылой дежурной комнаты военнаго госпиталя, оставила во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе.

По уходѣ неожиданныхъ посѣтителей, мы съ врачомъ уже не возобновляли нашего либеральнаго разговора. Мы избѣгали даже смотрѣть другъ другу въ глаза.

Я отлично зналъ, что никто не станетъ преслѣдовать меня, сына моихъ родителей, съ ихъ положеніемъ „въ свѣтѣ“, за мой отказъ расписаться, тѣмъ болѣе, что причастное къ этому темному дѣлу начальство никакъ не захотѣло бы его разглашать. Тѣмъ не менѣе, улегшись спать на казенномъ диванѣ съ моими чистыми домашними подушками подъ головой, я ставилъ себѣ въ заслугу свой поступокъ и внутренне посмѣивался надъ дѣйствительно рисковавшимъ пострадать врачомъ-либераломъ, только что передъ тѣмъ такъ пламенно распинавшимся за „гражданское мужество“.

Странное дѣло, я жилъ, погрязая во всѣхъ порокахъ и соблазнахъ, какіе только меня сколько-нибудь привлекали, ничего путнаго не дѣлая и прозябая паразитомъ на чужой счетъ,—и тѣмъ не менѣе я находилъ возможнымъ видѣть въ себѣ какія-то достоинства и въ чемъ-то, почему-то считать себя болѣе заслуживающимъ уваженія, чѣмъ большинство людей. Казначей-вора я презиралъ только потому, что самъ не кралъ непосредственно изъ чужого кармана, хотя и жилъ всецѣло на деньги рабочаго народа. На спасовавшаго передъ начальствомъ врача-либерала я смотрѣлъ сверху внизъ только потому, что судьбою былъ поставленъ въ менѣе, нежели онъ, зависи-

мое положеніе. Въ этомъ удивительномъ самообольщеніи поддерживали меня всѣ люди моей среды, державшіеся своего особаго кружкового кодекса „порядочности“ и „корректности“, не только не имѣвшаго ничего общаго съ дѣйствительной нравственностью, но считавшаго самые отвратительные пороки похвальнымъ молодецествомъ, а истинную добродѣтель—пустымъ чудачествомъ или рисовкою.

Но когда наступали для меня рѣдкіе періоды внутренняго просвѣтленія, то заговаривалъ во мнѣ непосредственный голосъ моей совѣсти. Тогда спадали съ моихъ глазъ очки условнаго общественаго мнѣнія моей среды, и я видѣлъ себя такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ. И отвратительное зрѣлище это внушало мнѣ ужасъ, стыдъ и жгучее раскаяніе. Я приходилъ тогда почти въ полное отчаяніе передъ своею мерзостью и своимъ безсиліемъ. Со всѣмъ страстнымъ напряженіемъ пробуждавшагося сознанія я обращался къ той высшей сущности, которая начинала чуть-чуть раскрываться мнѣ въ тайникѣ моей души и которую я тогда представлялъ себѣ еще въ видѣ личнаго Бога.

Въ эти тяжелыя, одинокія минуты исканій и борьбы, слова утѣшенія, надежды и ободренія доходили до меня извнѣ только изъ одного источника, въ которомъ я съ дѣтства привыкъ узнавать то лучшее, что сознавалъ въ самомъ себѣ. Это было—Евангеліе. А потому къ Евангелію я и обращался, ища опоры и вдохновенія. И дѣйствительно, тамъ, оставляя въ сторонѣ смущавшее меня чудесное и непонятное, я находилъ въ душевномъ обликѣ, жизни и ученіи Іисуса откликъ на то, что раскрывалось въ моей собственной душѣ, но откликъ болѣе сильный, ясный и осмысленный, чѣмъ робкій и смутный еще голосъ пробу-

ждавшагося во мнѣ духовнаго разумѣнія. Радость моя въ эти минуты была невыразимая.

Но иногда въ мои мысли закрадывались сомнѣнія о томъ, на самомъ ли дѣлѣ истинно и осуществимо это евангельское учение. И тогда, ища подтвержденія основательности моего преклоненія передъ жизнепониманіемъ и нравственнымъ ученіемъ Іисуса, я присматривался къ тому, какое впечатлѣніе производитъ Евангеліе на другихъ людей, такъ же, какъ и я, лишенныхъ почвы подъ ногами и столь же душевно одинокихъ и безпомощныхъ.

Таково было мое тогдашнее отношеніе къ Евангелію.

Дежурства мои въ военныхъ госпиталяхъ доставляли мнѣ удобный случай для моихъ наблюденій съ Евангеліемъ.

Тамъ были безнадежно больные, медленно умиравшіе, но въ полномъ еще сознаніи солдаты. Вотъ земледѣлецъ-труженникъ, насильственно увезенный изъ своей родины гдѣ-нибудь въ далекой глуши русской деревни, оторванный отъ своихъ семейныхъ и близкихъ и заболѣвшій на чужбинѣ въ суровой солдатской обстановкѣ. Когда онъ уже не въ силахъ былъ стоять на ногахъ, его перевезли изъ казармъ въ госпиталь. Болѣзнь его оказалась смертельною, чего никто изъ окружающихъ не скрывалъ отъ него. Онъ лежитъ на своей койкѣ, едва въ состояніи перевернуться съ одного бока на другой, одинокій среди другихъ страдальцевъ, со дня на день ожидая смерти и сознавая, что онъ никому не нуженъ и только въ тягость тѣмъ, кто по обязанности службы вынужденъ ходить за нимъ. Въ промежутки между физическими муками онъ мысленно переносится въ свою домашнюю обстановку, къ тѣмъ любимымъ существамъ, которыхъ ему больше не видать; и

размышляетъ о своей безмысленно загубленной жизни. Возможно ли представить себѣ человѣка въ положеніи болѣе безнадежномъ и ужасномъ?

Такихъ-то умирающихъ я отыскивалъ въ госпиталѣ и, подсѣвъ къ нимъ на кровать, знакомился съ ними, какъ человѣкъ съ человѣкомъ, при случаѣ читая имъ Евангеліе и наблюдая, какъ отражалось на нихъ это чтеніе.

И я замѣчалъ, что каждый разъ безъ исключенія впечатлѣніе получалось самое благотворное. Читалъ я только общепонятныя, не касающіяся чудесъ мѣста, описывающія жизнь или проповѣдь Іисуса. Больной неизмѣнно слушалъ съ проникновеннымъ вниманіемъ, и лицо его, по мѣрѣ чтенія, озарялось тѣмъ осмысленно свѣтлымъ выраженіемъ, которое свидѣтельствуетъ о высшей радости духовнаго удовлетворенія. Послѣ чтенія мы иногда обмѣнивались впечатлѣніями и мыслями, какъ бываетъ между людьми, испытывающими одинъ и тотъ же общій душевный подъемъ. А при прощаніи больной всегда, съ трогательнымъ умиленіемъ, выражалъ свою благодарность и просилъ еще разъ придти почитать ему изъ этой книжки.

Какая, думалъ я, непримиримая, казалось бы, противоположность между положеніемъ этого умирающаго солдата и моимъ! Онъ—по рожденію кормящій себя и другихъ крестьянинъ, я—праздный, поѣдающій чужіе труды барченоекъ-аристократъ. У него всѣ счеты съ жизнью покончены; не осталось въ будущемъ никакихъ ни личныхъ ни общественныхъ интересовъ. Впереди—только физическія страданія и смерть. У меня—вся жизнь еще впереди. Я—въ цвѣтѣ лѣтъ, полный здоровья и силъ и, увлекаемый страстями, упи- ваюсь до пресыщенія всѣми доступными человѣку

наслажденіями. Что же можетъ быть общаго между нами?

А между тѣмъ оказывается, что общее есть: оба мы одинаково способны, хотя и при разныхъ обстоятельствахъ, испытывать одну и ту же внутреннюю неудовлетворенность, однѣ и тѣ же душевные муки, съ которыми справиться мы не въ силахъ безъ духовнаго подкрѣпленія. И подкрѣпленіе это мы оба одинаково черпаемъ въ томъ общемъ для насъ источникѣ живой воды, который раскрывается въ Евангеліи.

Не лучшее ли это подтвержденіе того, что выраженная въ Евангеліи истина годна и нужна безъ различія всѣмъ тѣмъ людямъ, которые, почему бы то ни было, ищутъ для себя опоры и вдохновенія внѣ матеріальныхъ условій земного существованія?

Опытъ мой увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Но онъ далъ мнѣ гораздо больше, чѣмъ одно только разсудочное подтвержденіе законности моего преклоненія передъ выраженнымъ Іисусомъ пониманіемъ жизни. Во время этихъ чтеній и общенія съ умирающими солдатами я впервые осязалъ возможность того духовнаго сліянія съ душою другого человѣка, которое достигается перенесеніемъ обоими людьми центра тяжести своего сознанія изъ своей отдѣльной личности въ свою божескую сущность, единую во всѣхъ. Съ этого времени стало понемногу раскрываться для меня значеніе словъ Іисуса: „Я въ нихъ, и Ты во мнѣ, да будутъ совершенны воедино“. И не умою только, но и сердцемъ я началъ понимать, что смыслъ жизни лежитъ во все большемъ и большемъ единеніи между живыми существами и что назначеніе и благо наше въ томъ, чтобы стремиться жить, какъ братья, какъ дѣти одного Отца.

Громадный Николаевскій военный госпиталь, на Пескахъ, вмѣщавшій, насколько мнѣ помнится, отъ тысячи до двухъ тысячъ больныхъ, состоялъ изъ главнаго корпуса, фасадомъ къ улицѣ, и множества флигелей и бараконъ, расположенныхъ позади него. Одно изъ этихъ надворныхъ зданій было занято заключенными подъ стражу больными и называлось „арестантскимъ отдѣленіемъ“. Изъ него совершилъ свой замѣчательный побѣгъ П. А. Кропоткинъ, въ 1876 г.

Для дежурства по Николаевскому госпиталю наряжались по два офицера отъ одного и того же полка. Младшій дежурилъ исключительно по арестантскому отдѣленію, изъ котораго не имѣлъ права отлучаться. Старшій имѣлъ надзоръ за всѣмъ госпиталемъ, включая, на моей еще памяти, и арестантское отдѣленіе, куда онъ приходилъ навѣщать своего болѣе одинокаго товарища по полку.

Зимою 1876-го года, будучи однажды старшимъ дежурнымъ по Николаевскому госпиталю, я зашелъ побесѣдовать съ дежурившимъ по арестантскому отдѣленію, прикомандированному къ нашему конногвардейскому полку, портупей-юнкеру П. Онъ, между прочимъ, съ недоумѣніемъ рассказалъ мнѣ о томъ, что дѣлали,—какъ онъ узналъ, кажется, отъ фельдшера,—съ содержавшимся въ одиночномъ карцерѣ политическимъ заключеннымъ: у него черезъ день то накаливали печку до послѣднихъ предѣловъ, а форточку наглухо затворяли, то вовсе не топили, держа форточку цѣлый день открытой.

Почти не вѣря своимъ ушамъ, я спросилъ товарища, что же онъ предпринялъ. По его словамъ, убѣдившись въ томъ, что это дѣлается по распоряженію госпитальнаго начальства, которому и мы, какъ дежурные, подчинены, онъ счелъ для

себя невозможнымъ вмѣшиваться. Какъ я ни уговаривалъ его расслѣдовать и прекратить этотъ ужасъ, онъ наотрѣзъ отказался. Будучи пока еще только прикомандированнымъ къ нашему полку и лишь исполняя офицерскія обязанности, но не произведенный еще въ офицеры, онъ особенно боялся впутаться въ исторію, которая могла бы повредить его дальнѣйшей карьерѣ.

Тогда, вспомнивъ, что мнѣ, какъ старшему дежурному офицеру, по уставу ввѣренъ надзоръ и за арестантскимъ отдѣленіемъ, я рѣшился дѣйствовать по своей собственной инициативѣ. Я вышелъ изъ дежурной комнаты и поднялся во второй этажъ.

Тамъ, какъ разъ противъ лѣстницы, расположены были одиночные карцеры, передъ которыми я и остановился. Немного погодя, ко мнѣ подошелъ вышедшій изъ своего помѣщенія въ дальнемъ концѣ коридора, заспанный, неопрятный, маленькаго роста и невзрачнаго вида служитель съ особенно тупымъ выраженіемъ лица. Я его спросилъ, въ какомъ карцерѣ находится политическій арестантъ. Онъ съ видимой неохотой указалъ. Я ему велѣлъ отпереть дверь.

Сразу встрепенувшись, онъ отвѣтилъ:

— Никакъ невозможно-съ, ваше благородіе, это — секретный.

— Все равно, отвори, — сказалъ я.

— Не могу-съ, не велѣно.

— Какъ не велѣно? Вѣдь я же твой начальникъ, и я велю.

— Никакъ не могу, ваше благородіе. Самъ господинъ смотритель строго-настрого приказалъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не отпирать.

— Да вѣдь ты обязанъ мнѣ повиноваться, — сказалъ я, возвышая голосъ, — отвѣчать буду я, а не ты,

— Воля ваша, отпереть не могу, ваше-благородіе.

Не помню, чтобы во все время моей службы я когда-либо въ другой разъ кричалъ на нижняго чина. Но на этотъ разъ меня взорвало, и я накричалъ на это несчастное человѣческое существо, грозя отдать его подъ арестъ, если онъ тотчасъ же не исполнить моего приказанія.

Не знаю, справедливо ли говорить, что вообще, когда человѣкъ, рѣдко выходящій изъ себя, въ кои вѣки вспылить, то онъ становится особенно страшенъ. Но тогда видъ мой несомнѣнно произвелъ на служителя внушительное впечатлѣніе: не возражая уже ни слова, онъ съ мѣста побѣждалъ за ключомъ. Черезъ минуту дверь въ карцеръ тщательно скрываемого отъ людей арестанта была передо мною раскрыта.

Я вошелъ въ тѣсный карцеръ. Меня обдало невыносимо-горячимъ, сухимъ воздухомъ. Дышать дѣйствительно было трудно, пока воздухъ изъ коридора не сталъ проникать черезъ отворенныя двери.

Передо мной на узкой койкѣ сидѣлъ человѣкъ, обросшій бородой, но еще не старый. Лицо его было мертвенно-блѣдно, по цвѣту мало отличаясь отъ его рубашки и бѣлья на кровати. Сидѣлъ онъ, немного нагнувшись впередъ, хрипло, съ трудомъ переводя дыханіе, казалось—задыхаясь.

Подошедши къ нему и поздоровавшись, я спросилъ, чѣмъ онъ страдаетъ.

— Чахоткой,—отвѣтилъ онъ. Потомъ взглянувъ на меня съ невыразимо-страдальческимъ выраженіемъ, онъ прибавилъ:

— Не замѣчаете ли вы, какъ здѣсь натоппено?

Говорилъ онъ съ, напряженнымъ усиліемъ, шопотомъ, медленно и съ разстановкою выговаривая каждое слово,

— Разумѣется, замѣчаю,—отвѣтилъ я, повернувшись къ печи и приближая къ ней руку, но не рѣшаясь ея коснуться, такъ она была накалена.

— Это они нарочно,—продолжалъ больной.— Одинъ день вотъ какъ натопятъ и форточку запрутъ, а на слѣдующій день—вчера такъ было—вовсе не топятъ, но форточку откроютъ. То поджариваютъ меня, то замораживаютъ. Видите, до чего довели.

— Да для чего же они это дѣлаютъ?

— Изморить хотятъ, со свѣту сжить.

— Возможно ли это!—воскликнулъ я.—Такъ оставить нельзя. Я распоряжусь, чтобы васъ перевели въ другое помѣщеніе.

Больной съ удивленіемъ внимательно на меня посмотрѣлъ. Потомъ сказалъ:

— Нѣтъ, ради Бога, не дѣлайте этого. Бѣду на себя накличете. Это все—по распоряженію начальства. Ко мнѣ рѣшительно никого не допускаютъ. Не понимаю, какъ вы пробрались. Когда узнаетъ смотритель—будетъ исторія. Если же переведете меня, то вамъ не сдобровать. А мнѣ все равно—одинъ конецъ.

— Не опасайтесь за меня,—сказалъ я:—даже по уставу дежурный офицеръ обязанъ слѣдить за хорошимъ содержаніемъ больныхъ.

Вышедши въ коридоръ къ растерянному стоявшему около дверей служителю, я приказалъ ему отпереть мнѣ остальные три карцера. Всѣ они были пусты. Въ сосѣднемъ карцерѣ, отоплявшемся общей печкой съ тѣмъ, гдѣ находился больной, воздухъ былъ такой же накаленный. Но въ остальныхъ двухъ, съ общей между ними особой, не топившейся печкой, температура была прохладная. Я велѣлъ служителю почистить одинъ изъ нетопленныхъ карцеровъ, лишен-

ныхъ всякой мебели, и перенести туда кровать и столъ, имѣвшіеся во второмъ карцерѣ, незанятыхъ. Видимо недовольный и смущенный, служитель сказалъ, что позоветъ своего товарища пособить. Онъ вернулся въ свою комнату и вызвалъ оттуда другого служителя. Я видѣлъ, какъ они въ концѣ коридора о чемъ-то озабоченно сговаривались. Потомъ, подошедши, первый завозился около карцеровъ, а второй, потупя голову и избѣгая встрѣтиться со мною глазами, поспѣшно прошелъ мимо меня къ лѣстницѣ и сталъ спускаться.

Я догадался, что онъ идетъ донести начальству о происходившемъ. Въ эту минуту я понялъ всю затруднительность и тяжесть положенія этихъ двухъ запуганныхъ рабовъ правительства, не знавшихъ, на какой ногѣ плясать. И мнѣ стало невыразимо жалко этихъ людей, темнотою которыхъ воспользовались для того, чтобы помимо ихъ воли обратить ихъ въ палачей и слѣпныя орудія пытки. Повинуясь влеченію моего сердца, я нагнулся къ спускавшемуся по лѣстницѣ служителю и, едва сдерживая свое волненіе, участливо сказалъ ему:

— Развѣ ты не понимаешь, что тебя заставляютъ дѣлать съ этимъ арестантомъ? Вѣдь это все равно, что ножомъ горло ему рѣзать. А вѣдь онъ такой же человѣкъ. Или Бога въ тебѣ нѣтъ? Опомнись.

Услыхавъ мой голосъ, онъ пріостановился, держась за перила и, повернувшись въ мою сторону, приподнялъ ко мнѣ свое лицо. И по мѣрѣ того, какъ я говорилъ, оно совершенно преобразилось. Онъ довѣрчиво и какъ бы вопросительно смотрѣлъ на меня съ выраженіемъ глубокой муки на лицѣ. Глаза его наводнились слезами, и въ осмысленномъ, тоскливомъ взглядѣ его я увидалъ томящуюся, живую душу человѣческую.

Но это продолжалось только нѣсколько мгновений. Когда я замолчалъ, онъ опустилъ голову и постоялъ немного въ нерѣшительности. Потомъ вдругъ опротясь кивулся внизъ по лѣстницѣ.

Вернувшись къ больному, я подсѣлъ къ нему на кровать и обмѣнялся съ нимъ еще нѣсколькими словами, но замѣтилъ, что много говорить для него слишкомъ утомительно. Съ своей стороны, что хорошаго могъ сказать ему я, слуга того самаго государственнаго начала, которое подвергало его этой звѣрски-медленной казни? Тогда я вспомнилъ о Евангеліи, всегда бывшемъ у меня въ карманѣ во время моихъ дежурствъ,—вспомнилъ, какъ чтеніе этой книги неизмѣнно доставляло отраду тяжело больнымъ. И я предложилъ ему воспользоваться нашимъ свиданіемъ для того, чтобы почитать что-нибудь изъ нея. Онъ охотно согласился, замѣтивъ: „Я такъ давно ничего не читалъ“.

Я прочелъ ему нѣсколько особенно трогавшихъ меня мѣстъ изъ бесѣдъ Іисуса со своими учениками, но скоро остановился, боясь его утомить. Замѣтивъ мою нерѣшительность, онъ сказалъ:— „Нѣтъ, пожалуйста продолжайте: мнѣ очень пріятно васъ слушать“.

Читать намъ, однако, пришлось недолго. Вскорѣ, подошедшій къ двери служитель доложилъ мнѣ, что другой карцеръ приготовленъ. Я закрылъ книжечку. Больной продолжалъ сидѣть, глядя въ пространство, очевидно погруженный въ мысли, вызванныя нашимъ чтеніемъ. Я предложилъ ему перейти въ другое помѣщеніе. Какъ будто не замѣтивъ моихъ словъ и не трогаясь съ мѣста, онъ повернулъ ко мнѣ голову и съ проникновеніемъ сказалъ:— „Въ божественность лич-

ности Христа и все чудесное я, разумѣется, не вѣрю. Но передъ правдой и чистотой его ученія я всегда преклонялся. Выше и лучше этого я дѣйствительно ничего не знаю и не могу себѣ представить“.

Опять тоже самое: за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ совершенно незнакомые, мы теперь глядѣли другъ на друга, какъ близкіе люди, хорошо другъ друга понимавшіе и согласные въ главномъ. Оба мы нашей виѣшнею дѣятельностью вопіюще нарушали ученіе Іисуса: я—посвятилъ себя насильственной борьбѣ съ врагами существующаго порядка, онъ—насильственной же борьбѣ противъ этого порядка. А между тѣмъ духъ Христова ученія былъ сроденъ намъ обоимъ и, сливаясь съ этимъ духомъ, мы оба, столь чуждые другъ другу во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, сознавали наше основное единство въ томъ, что одно придавало истинный, ничѣмъ не нарушимый смыслъ нашему существованію.

Мы перешли въ приготовленный другой карцеръ. Больному это стоило большихъ усилій, и лишь только служитель перенесъ его постель на новую койку, онъ тотчасъ же опустился на нее въ изнеможеніи, но съ наслажденіемъ вдыхая въ себя прохладный воздухъ. Я стоялъ около него, положивъ на столикъ Евангеліе и свою каску съ перчатками.

Тутъ мы услышали поднимавшіеся по лѣстницѣ поспѣшные и рѣшительные шаги. Черезъ мгновеніе въ карцеръ влетѣлъ взволнованный полковникъ—смотритель госпиталя.

Онъ сердито накинулся на меня съ вопросомъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Какъ видите,—отвѣтилъ я,—перевелъ этого

больного въ другое помѣщеніе, такъ какъ у него было такъ натоппенно, что онъ совсѣмъ задыхался.

Не слушая меня, смотритель быстро обводилъ глазами все помѣщеніе. Когда онъ замѣтилъ лежавшую на столѣ книжечку, онъ рванулся впередъ и, схвативъ ее, какъ коршунъ свою добычу, злорадно вскрикнулъ: „А это что такое?!“ Но, взглянувъ на заглавную страницу и увидавъ, что это только синодальное Евангеліе, онъ видимо нѣсколько разочаровался, хотя и удержалъ при себѣ книжку. Обернувшись ко мнѣ, онъ строго проговорилъ:—„Попрошу васъ въ дежурную комнату“—и, выходя изъ карцера, велѣлъ испуганному служителю, подобострастно провожавшему его глазами, запереть дверь.

Захвативъ со стола свои вещи и спускаясь за смотрителемъ по лѣстницѣ, я сталъ отдавать себѣ отчетъ въ моемъ положеніи. „Вѣдь онъ, какъ никакъ, а мой прямой начальникъ, --соображалъ я,--а я ему даже и не отрапортовалъ“. Я надѣлъ каску и поспѣшно натянулъ на руки бѣлые перчатки. Когда мы вошли въ дежурную комнату, въ которой уже не было моего товарища по дежурству, и смотритель обернулся ко мнѣ съ разгнѣваннымъ лицомъ, то онъ увидѣлъ передъ собою уже вполнѣ корректнаго подчиненнаго, стоявшаго передъ нимъ на вытяжку, съ правой рукой, ладонью впередъ, приподнятой къ каскѣ. Я въ установленныхъ словахъ отрапортовалъ ему о томъ, что въ госпиталѣ все обстоитъ благополучно, упомянувъ, какъ полагалось, сколько больныхъ прибыло, убыло и состоитъ налицо; въ заключеніе же рапорта прибавилъ: „Неблагополучнымъ я нашелъ обращеніе съ больнымъ арестантомъ въ одиночномъ карцерѣ“.

Видно было, что это спокойно произнесенное неожиданное прибавленіе къ рапорту сначала озада-

чило полковника. Но онъ тотчасъ же оправился и начальнически обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Долженъ вамъ замѣтить, поручикъ, что поведеніе ваше заслуживаетъ самаго строгаго порицанія. Вы, безъ малѣйшаго на то права, своевольно вмѣшались въ судьбу политическаго преступника, содержавшагося подѣ строгимъ „секретомъ“ и, слѣдовательно, находящагося внѣ вашего попеченія. Мнѣ придется донести по начальству о вашемъ превышеніи власти и предупреждаю васъ, что послѣдствія для васъ, вѣроятно, будутъ самыя печальныя.

Онъ пытливо всматривался въ меня, безъ сомнѣнія надѣясь подмѣтить, какое впечатлѣніе производятъ на меня его слова. Но не замѣтивъ во мнѣ признаковъ страха, онъ продолжалъ уже менѣе строгимъ голосомъ:—Полагаю, впрочемъ, что вы поступили такъ опрометчиво единственно по неопытности. А потому, не желая вредить вашей дальнѣйшей службѣ, я готовъ замять эту слишкомъ скверную для васъ исторію, при томъ, конечно, условіи, что и съ вашей стороны она останется безусловно между нами.

Продолжая держать руку подѣ козырекѣ, я ему отвѣтилъ:

— Господинъ полковникъ, я поступилъ согласно прямымъ обязанностямъ дежурнаго офицера, которому поручено наблюденіе за правильнымъ уходомъ за всѣми больными въ госпиталѣ. Въ инструкціи никакихъ исключеній не сдѣлано относительно „секретныхъ“ заключенныхъ. Съ вашимъ приходомъ я, разумѣется, обязанъ устраниваться; но предупреждаю васъ, что буду считать своимъ долгомъ донести о происшедшемъ какъ начальнику госпиталя, такъ и моему полковому командиру.

Тутъ смотритель уже совсѣмъ растерялся и, сразу совершенно измѣнивъ обращеніе со мной, по-

просилъ меня опустить руку и сталъ говорить слащаво-притворнымъ голосомъ человѣка, участливо принимающаго къ сердцу мою судьбу:

— Я исполнѣ цѣню ваши добрыя побужденія, говорилъ онъ;—но знаете ли вы, что такое „секретный арестантъ“? Вѣдь это люди, возстающіе противъ правительства, бунтовщики, вѣдь это—страшно сказать—цареубійцы. Это—самое подлое и дерзкое отребье человѣчества, для которыхъ пощады нѣтъ и не можетъ быть. Они не люди, а звѣри, и обращаться съ ними можно только какъ со звѣрями. Подумайте, что же у насъ съ вами общаго съ этими мерзавцами? Вотъ этотъ, напримѣръ, политическій, за котораго вы заступились,—онъ участивъ въ самой крайней революціонной дѣятельности. Ему уже больше не выйти отсюда, его пѣснь спѣта, и чѣмъ скорѣе онъ исчезнетъ съ лица земли, тѣмъ лучше и для него и для всѣхъ. Заступаться за такихъ людей—значить вступать въ связь съ ихъ преступной шайкой и навлекать на себя самыя тяжкія послѣдствія. А вы вѣдь не можете желать скомпрометировать всю вашу будущность.

Вынужденный, по своему положенію, молча выслушивать все это, но возмущенный до глубины души и съ трудомъ сдерживая свое негодованіе, я лаконически отвѣтилъ ему, когда онъ остановился:

— Я поступилъ по совѣсти, и потому о послѣдствіяхъ мнѣ нѣтъ надобности думать.

Выраженіе лица полковника опять измѣнилось, и я тогда въ первый еще разъ увидалъ на человѣческомъ лицѣ тотъ направленный на меня, полный холодной ненависти взглядъ, который въ дальнѣйшей жизни мнѣ не разъ приходилось встрѣчать у представителей власти, свѣтской или духовной, когда я, обличительно для нихъ, заступался за то, что считалъ правдой и справедливостью.

Озлобленный смотритель ушелъ, угрожающе замѣтивъ:

— Ну, какъ знаете. Но если вамъ плохо придется, то уже пеняйте на себя.

На слѣдующій день, съ ранняго утра, въ главномъ корпусѣ госпиталя шла необычайная суматоха: всѣ возились, суетились, торопились, все передвигали съ мѣста на мѣсто, полы и окна мыли, вездѣ подметали, чистили, у больныхъ смѣняли бѣлье, въ канцеляріяхъ разставляли по иному столы и стулья. Смотритель съ озабоченнымъ видомъ сновалъ взадъ и впередъ, всюду суя свой носъ, наблюдая, указывая, распоряжаясь... Оказалось, что наканунѣ вечеромъ было получено увѣдомленіе, что въ 11 часовъ утра „изволить посѣтить Николаевскій военный госпиталь Государь Императоръ“.

Меня всегда поражала разни́ца въ чистотѣ и порядкѣ, соблюдаемыхъ въ главномъ корпусѣ, по сравненію съ состояніемъ надворныхъ отдѣленій больницы. Здѣсь, въ главномъ корпусѣ, даже въ обыкновенные дни внѣшняя исправность и опрятность бросались въ глаза. Замѣчалась даже нѣкоторая роскошь: въ нижнемъ этажѣ—ковровыя дорожки по коридорамъ и палатамъ, на видныхъ мѣстахъ выставленныя напоказъ подвижныя кресла на резиновыхъ шинахъ и т. п. И служащій персоналъ былъ многочисленнѣе, расторопнѣе и здоровѣе. Тамъ, во флигеляхъ и баракахъ, чувствовались, наоборотъ, нѣкоторая заброшенность и неряшество, въ особенности въ отдѣленіяхъ для заразныхъ больныхъ, арестантовъ, сумасшедшихъ, куда никогда не заглядывали высокопоставленные посѣтителы. Въ этотъ же день замѣтно было особенно рѣзкое различіе. Утромъ, первымъ дѣломъ, я обошелъ бараки для тифозныхъ, оспенныхъ, ро-

жистыхъ, сифилитическихъ больныхъ. Здѣсь все было по обыденному, хотя многое и требовало бы приведенія въ лучшій порядокъ. Въ лицевой же, „парадной“ части госпиталя, гдѣ и безъ того все было съ иглочки, хлопотали о еще болѣе блестящемъ наружномъ видѣ.

Въ 10 часовъ появился въ полной формѣ, съ орденами, начальникъ госпиталя, генералъ Ш., расположившійся невдалекѣ отъ главнаго подъѣзда. Наступило у всѣхъ состояніе приподнятаго ожиданія, напряженность котораго все больше и больше возрастала, по мѣрѣ приближенія часовыхъ стрѣлокъ къ 11-ти часамъ.

Я ходилъ по одной изъ ближайшихъ къ передней залъ, зазубривая наизусть слова рапорта, съ которыми долженъ былъ встрѣтить государя, чтобы въ послѣднюю минуту не перепутать цифровыя данныя о больныхъ. Вчерашняго возвышеннаго духовнаго настроенія у меня уже не было, и мелочно-тщеславная струнка опять во мнѣ заговорила. Я самъ передъ собой любовался своимъ поведеніемъ съ больнымъ политическимъ и со зрителемъ и, зная личное благорасположеніе, всегда проявляемое ко мнѣ государемъ (Александромъ II), я самодовольно предвкушалъ предстоящую черезъ нѣсколько минутъ новую встрѣчу съ нимъ лицомъ къ лицу.

Но пробило 11 часовъ, настала четверть, потомъ половина двѣнадцатаго, а государь не пріѣзжалъ. Наконецъ получено было разочаровавшее всѣхъ извѣстіе о томъ, что пріѣздъ его на этотъ разъ отмѣненъ.

Еще раньше я издали замѣтилъ, какъ начальникъ госпиталя со зрителемъ о чемъ-то переговаривались, отъ времени до времени поглядывая въ мою сторону. Теперь зритель ушелъ, а ко мнѣ пришли доложить, что начальникъ госпиталя

требуетъ меня къ себѣ. Войдя въ комнату, гдѣ онъ стоялъ, и подошедши къ нему, я отрапортовалъ.

Не давши мнѣ времени что-либо прибавить къ обычнымъ словамъ рапорта, генералъ, съ напыщенно важнымъ видомъ и суровымъ начальническимъ голосомъ сталъ читать мнѣ выговоръ:

— Смотритель госпиталя донесъ мнѣ о вашемъ вчерашнемъ поведеніи, и я вынужденъ заявить вамъ, молодой человѣкъ, что вы совершили серьезный проступокъ по службѣ. Вы рѣшились, вопреки распоряженію начальства, ворваться къ содержащемуся подъ „секретомъ“ политическому преступнику, вступили съ нимъ въ бесѣду и стали самовольно распоряжаться въ его карцерѣ. Кромѣ того, не испросивъ на то ни у кого разрѣшенія, вы снабдили книгою этого арестанта, которому всякое чтеніе запрещено. Наконецъ вы позволили себѣ вступить въ неподобающія прѣреканія со смотрителемъ госпиталя, вашимъ прямымъ начальникомъ. Все это представляетъ такое недопустимое нарушеніе вашихъ служебныхъ обязанностей и требованій воинской дисциплины, что я вынужденъ буду сообщить о вашемъ поведеніи вашему строевому начальству, съ просьбой поступить съ вами по всей строгости. Предупреждаю васъ, что послѣдствія будутъ для васъ самыя тяжелыя и непоправимыя.

Приостановившись, генералъ посмотрѣлъ на меня какъ бы въ раздумьи. — „Скажите, пожалуйста, — спросилъ онъ, — какъ ваша фамилія?“ — какъ будто онъ раньше, первымъ дѣломъ, не справился объ этомъ. Я назвалъ свою фамилію. Онъ съ прозрачно-поддѣльнымъ удивленіемъ повторилъ:

— Чертковъ? Котораго вы Черткова сынъ?

— Григорія Ивановича.

— Какъ, Григорія Ивановича! Можетъ ли это быть? — уже добродушно, какъ встрѣчаютъ стараго

знакомаго, воскликнулъ генераль.—Мы съ вашимъ батюшкой въ Пажескомъ корпусѣ вмѣстѣ учились, въ одной ротѣ были. Я его помню еще вотъ какимъ. Ахъ, право, какъ мнѣ васъ жалко! Очень, очень хотѣлось бы мнѣ избавить васъ отъ послѣдствій вашей вчерашней ошибки: ужъ слишкомъ мнѣ было бы тяжело погубить карьеру сына почтеннаго Григорія Ивановича.

Опять пауза и раздумье.—Знаете ли, что я могу для васъ сдѣлать?—продолжалъ онъ отечески-участливымъ тономъ и понизивъ голосъ:—я на этотъ разъ готовъ посмотрѣть на все сквозь пальцы. Я про случившееся ничего не знаю. Понимаете—ничего не знаю. А вы уже, съ вашей стороны, никому, рѣшительно никому на свѣтѣ обо всемъ этомъ не проговаривайтесь. Иначе невозможно будетъ замаять дѣло. Итакъ, мнѣ очень пріятно, что могу оказать вамъ это одолженіе, ради вашего отца, котораго я всегда глубоко уважалъ.

Въ продолженіе всего этого шитаго бѣлыми нитками монолога я стоялъ передъ начальникомъ госпиталя все въ той же идіотской позѣ, которой, по военному уставу, полагается выражать свое уваженіе къ начальству. Но внутренно я чувствовалъ себя какъ зритель въ театрѣ, присутствующій при комедіи, довольно плохо разыгранной, но съ характернымъ содержаніемъ.

Начальникъ госпиталя удалился въ свою сторону, а я—въ свою, чтобы приготовиться къ приближавшейся смѣнѣ съ дежурства.

Въ тотъ же день я отправился къ своему полковому командиру, барону Ф., *) чтобы донести ему

*) Тогда—баронъ, впослѣдствіи графъ Фредериксъ, бывший министръ Двора. Считаю долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы заявить, что графа Фредерикса я

о моемъ столкновѣніи съ госпитальнымъ начальствомъ. Человѣкъ по-своему благородный и добрый, онъ былъ возмущенъ звѣрскимъ обращеніемъ съ политическимъ арестантомъ. Онъ улыбался, но тактично молчалъ, когда я, также съ улыбкою, рассказалъ ему про дипломатическія увертки со мною смотрителя и начальника госпиталя. Онъ любезно выразилъ мнѣ полное одобреніе моего поведенія и того, что я ему обо всемъ сообщилъ.

Мы разстались съ привычнымъ намъ сознаніемъ, что оба принадлежимъ къ одному и тому же отборному кругу утонченно „порядочныхъ“ людей, для которыхъ поступить такъ, какъ поступило, въ этомъ случаѣ, госпитальное начальство, было почти столь же невысказано, какъ ѣсть съ ножа или пройти въ дверь раньше своей дамы. Мнѣ тог-

хорошо знаю за человѣка рыцарски честнаго, горячаго *русскаго патріота*, всегда относившагося самымъ добросовѣстнымъ образомъ къ своему „долгу“ и обязанностямъ службы, понимаемымъ имъ соотвѣтственно своему умственному кругозору. Въѣстъ съ тѣмъ по своему весьма доброжелательному и отзывчивому характеру онъ никогда не упускалъ случая оказывать людямъ, зависѣвшимъ отъ него, всяческую помощь и поддержку.

Совершенно, конечно, не раздѣляя его приверженности самодержавію, я тѣмъ болѣе безпристрастно могу засвидѣтельствовать, что приверженность эта происходила у него изъ несомнѣнно безкорыстной преданности бывшему русскому монарху. И потому могу рѣшительно утверждать, что созданная политическими обстоятельствами послѣдняго времени неблагоприятная репутація этого оклеветаннаго человѣка—безусловно и всецѣло ошибочна. Онъ не только неспособенъ былъ сознательно принимать малѣйшее участіе въ какихъ-либо неблагоприятныхъ поступкахъ, но и по своимъ свойствамъ и личному праву не могъ имѣть никакого вліянія на ходъ политическихъ событій, такъ что получившее столь широкое распространеніе отрицательное къ нему отношеніе со стороны „общественнаго мнѣнія“ только лишній разъ обнаруживаетъ, до какой степени иногда это мнѣніе бываетъ основано на заблужденіи.

В. Чертковъ.

да еще и не приходило въ голову, что безобразія, подобныя тѣмъ, которыхъ я бывалъ свидѣтелемъ въ военныхъ госпиталяхъ, были бы невозможны, если бы всѣ, въ томъ числѣ и мы со всей нашей утонченностью, не принимали участія въ поддержаніи существующаго государственнаго устройства.

Нѣсколько недѣль послѣ того я прочелъ въ газетахъ, что въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ умеръ политическій заключенный, котораго хоронила, съ уличной демонстраціей, толпа его товарищей. Гробъ проносили мимо зданія окружного суда, говорили рѣчи, пѣли революціонныя пѣсни, вызвана была полиція, пріѣзжалъ градоначальникъ, разогналъ толпу,—однимъ словомъ, все какъ водится въ подобныхъ случаяхъ.

Насколько мнѣ удалось справиться по книгѣ Бурцева: „За сто лѣтъ“, революціонеръ-мученикъ этотъ былъ Подлевскій.

Въ томъ же году изъ того же арестантскаго отдѣленія Николаевскаго госпиталя бѣжалъ Кропоткинъ. И когда я въ слѣдующій разъ дежурилъ въ этомъ госпиталѣ, офицеру, дежурившему въ арестантскомъ отдѣленіи, уже запрещено было касаться „секретныхъ“ арестантовъ, а изъ вѣдѣнія старшаго дежурнаго по госпиталю офицера было совершенно изъято арестантское отдѣленіе.

Таковы наиболѣе памятные для меня происшествія во время моихъ дежурствъ въ военныхъ госпиталяхъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Въ моемъ тогдашнемъ положеніи субалтернъ-офицера я не имѣлъ, разумѣется, никакой возможности давать дальнѣйшій ходъ моимъ протестамъ противъ тѣхъ несправедливостей и жестокостей, которыхъ мнѣ въ то время довелось быть свидѣтелемъ.

Я видѣлъ и испыталъ тогда въ этихъ госпиталяхъ и многое другое въ томъ же родѣ, но въ менѣе рѣзкихъ проявленіяхъ, а потому и не сохранившееся столь же ярко въ моей памяти. Видѣвши все это своими глазами и зная о существованіи въ этихъ учрежденіяхъ безчисленныхъ злоупотребленій по хозяйственной части и содержанію больныхъ, на слѣдъ которыхъ я постоянно наталкивался,—я, естественно, составилъ себѣ представленіе объ администраціи военныхъ госпиталей, какъ о шайкѣ плутовъ и истязателей. Лишь впоследствии убѣдился я въ томъ, что все это было только маленькимъ образчикомъ всеобщаго гнилого состоянія русскаго государственнаго строя.

Но не однимъ этимъ отрицательнымъ наблюденіемъ обогатился я въ военныхъ госпиталяхъ. Правда, по окончаніи каждаго изъ этихъ дежурствъ, я почти всегда сразу бросался опять въ круговоротъ моей шальной жизни и быстро забывалъ полученныя въ госпиталѣ впечатлѣнія. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣнія эти не пропали для меня даромъ, а сохранились гдѣ-то въ глубинѣ сознанія и вмѣстѣ со многимъ другимъ, пережитымъ мною въ то время, несомнѣнно оказали свое благотворное вліяніе на мой дальнѣйшій духовный ростъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя я вышелъ въ отставку, и съ тѣхъ поръ для меня стали открываться совершенно инныя поля дѣятельности.

Я видѣ
ляхъ и
менѣе р
хранивш
дѣвши в
ваніи въ
употребле
больныхъ
кивался,
леніе об
какъ о п
слѣдстві
только м
го состоя

Но не
емъ обога
по оконч
почти вс
моей шал
ныя въ
впечатлѣ
сохранил
со многи
мя, несом
на мой д

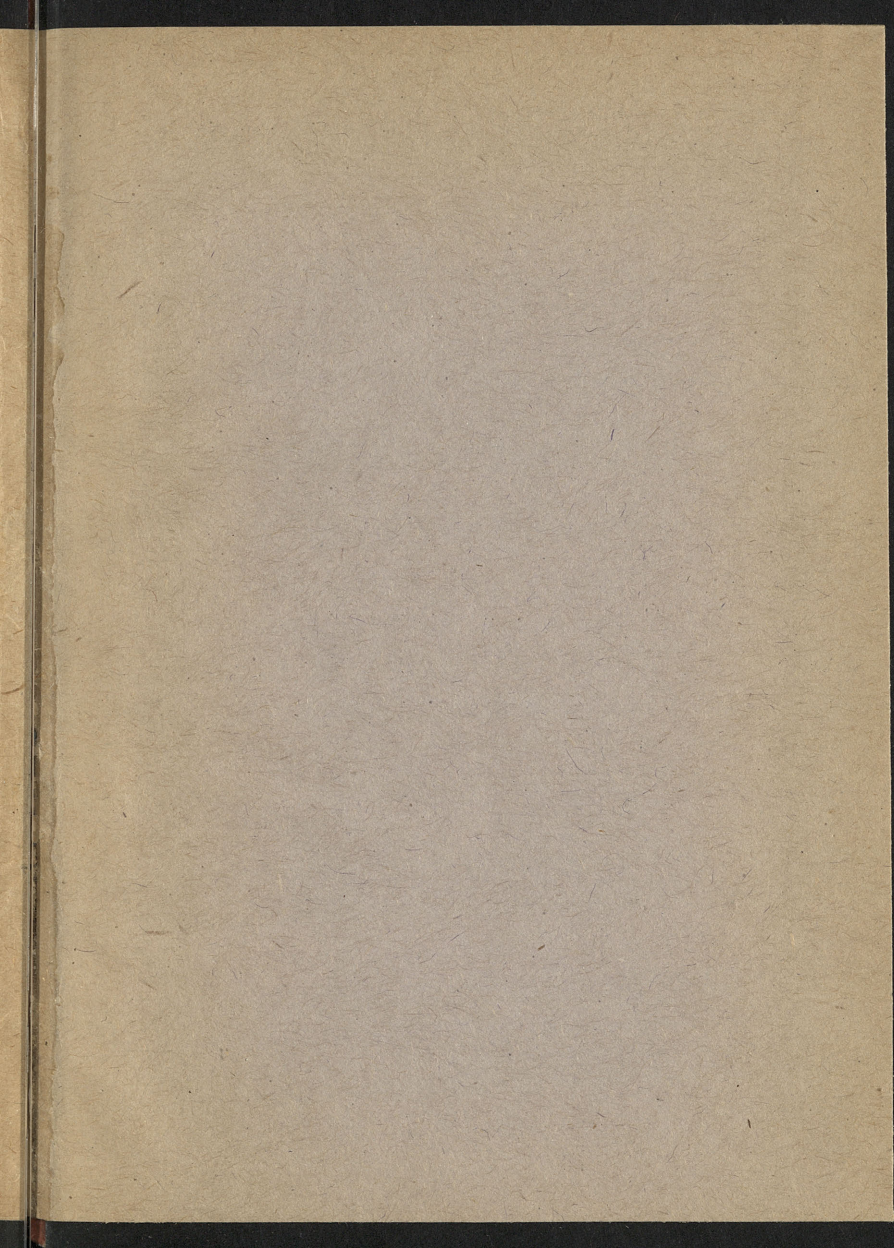
Нѣскол
и съ тѣх
вершенно

госпита-
, но въ
и не со-
ти. Ви-
щество-
ихъ зло-
ержанію
натель-
представ-
питалей,
шь впо-
то было
о гнило-
роя.

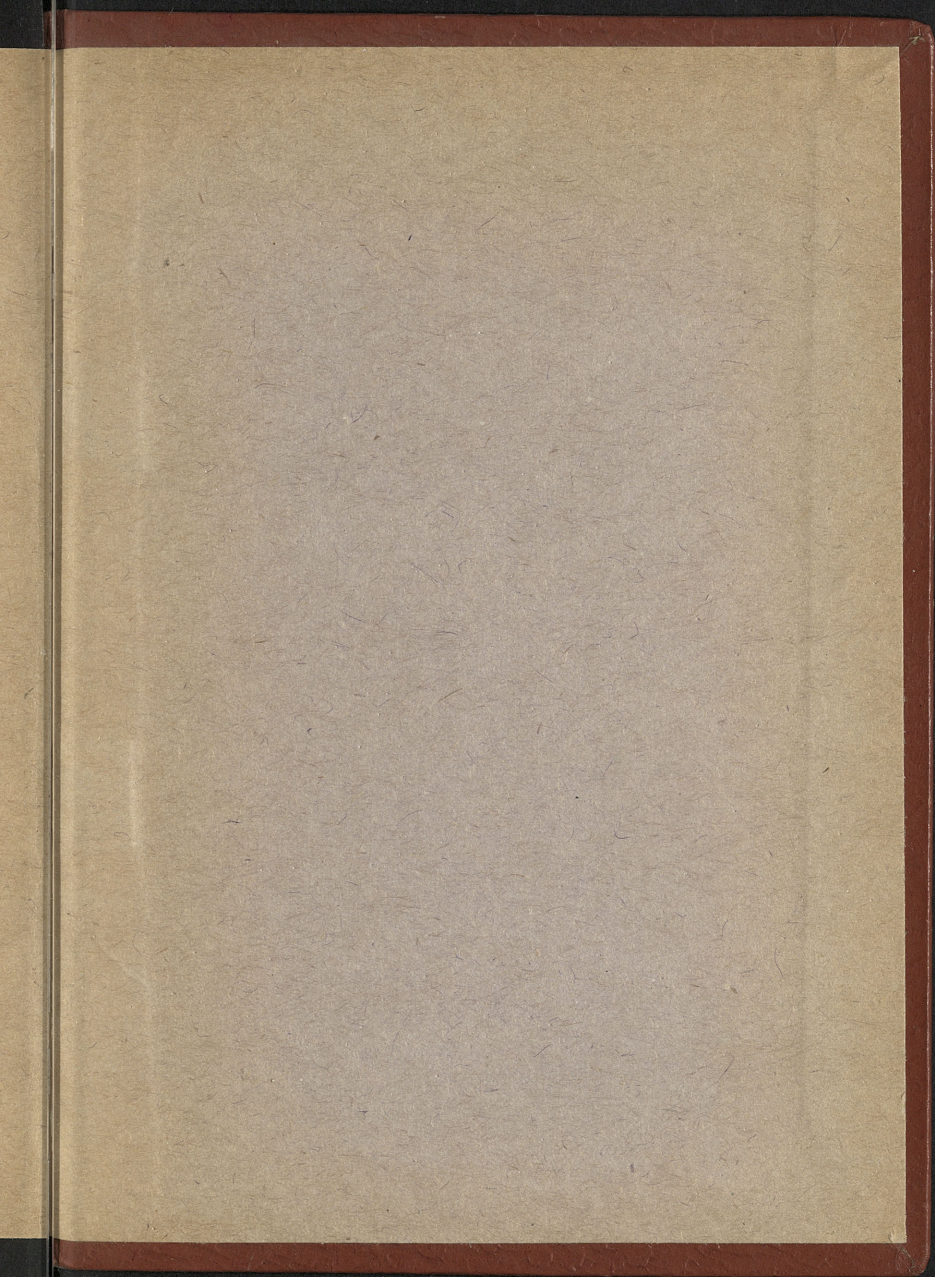
блюдені-
Правда,
ствѣ, я
говоротъ
получен-
е менѣе,
ромъ, а
вмѣстѣ
то вре-
вліяніе

тставку,
сья со-

СЕРІЯ БРОШЮРЪ

„Голосъ Толстого“.

1. Великій грѣхъ. Ц. 20 к.
2. О значеніи русской революціи Ц. 30 к.
3. Проѣзжій и крестьянинъ. — Истинная свобода. Ц. 20 к.
4. Отвѣтъ Синоду. Ц. 10 к.
5. Неизбѣжный переворотъ. Ц. 20 к.
6. Законъ насилія и законъ любви. Ц. 20 к.

Печатаются:

7. Одумайтесь.
8. Рабство нашего времени.
9. Къ рабочему народу.
10. Единое на потребу.
11. Обращеніе къ духовенству.
12. Разрушеніе ада и возстановленіе его.
13. Патріотизмъ и правительство.
14. Неужели это такъ надо?
15. Три дня въ деревнѣ. — Сонъ.

2022080360